

Во сне к нему пришли ноги, длинные и изящные

тельному обвинению. Прообразом мне послужил замечательный адвокат и прекрасный человек, защищавший в свое время многих, в том числе Амальрика, — Владимир Швейский.

— Может быть, по тогдашнему обыкновению, журналы перестраховывались и в связи с вашими выступлениями в поддержку писателей, которые преследовались властями, — Бродского, Даниэля, Синявского?

— Пожалуй, что так. Я стала «персоной нон грата», когда подписала письма с требованиями прекратить расправу над ними. Да и после публикации романа мое положение оставалось непросто: я довольно долго, лет семь, была «невъездной». Впервые вытащить меня за границу удалось Трюдо в бытность его главой

канадского правительства. знала уже давно как очень образованного и интеллигентного человека. Я сказала ему: существует Нобелевская премия, Букеровская премия, десятки других премий в Европе и Америке, лауреатами которых стали мастера нашей культуры, и только у нас нет ни одной независимой премии за достижения в искусстве. Он сразу проникся этой идеей, попросил оформить ее письменно. И когда я сделала это, немедленно дал ей ход, несмотря на скептическое отношение многих, считавших выброшенными на ветер те сто тысяч долларов, которые Лого-ВАЗ передал фонду «Триумф». В августе 1992 года мы получили регистрационные документы фонда, а 7 января, в день православного Рождества, уже были вручены премии первым лауреатам.

— Зоя Борисовна, авторитет любой премии в огромной мере зависит от состава жюри, которое ее присуждает. Как и из кого формировалось жюри премии «Триумф»?

— Мы видели свою задачу в том, чтобы создать абсолютно независимое жюри. Условием вхождения в него было участие в любых властных структурах. Далее каждый из членов жюри по масштабам и уровню своего творчества, по вкладу в искусство, в культуру должен находиться как бы в первом ряду соискателей премии, хотя по нашему уставу он не имеет права ее получать. И такое жюри было создано: в его состав согласились войти Вадим Абдрашитов, Василий Аксенов, Ирина Антонова, Юрий Башмет, Андрей Битов, Владимир Васильев, Андрей Вознесенский, Элем Климов, Екатерина Максимова, Эрнст Неизвестный, Владимир Сливаков. Я выполняю функции координатора жюри.

— Имело ли присуждение премии «Триумф» общественный резонанс, стало ли оно событием?

— Безусловно. Об этом свидетельствует уже то, что все лауреаты премии, — а ими, напомним, стали Аверинцев, Ананишвили, Додин, Шестакова, Краснопецев и Шнитке — прибыли на вручение, хотя для некоторых из них это было сопряжено с большими трудностями. Приятно было то, что нам удалось, по общему признанию, провести ее по высшему классу, привлечь к участию в ней лучшие творческие силы. А ведь всю работу делали четыре человека!

— Премия присуждается раз в год, а чем занимается фонд в остальное время?

— Утвердив в общественном сознании высокую оценку достижений наших лауреатов присуждением независимой премии, мы не расстаемся с ними, стараемся всячески помочь. Совместно с издательством «Культура» фонд издает сейчас золотой пятитомник произведений Сергея Аверинцева. Мы готовим выставку Эрнста Неизвестного, может быть, в Манеже и уж во всех случаях — в Государственном музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Помогаем деятелям культуры, оказавшимся в затруднительном материальном положении, как бы спонсируем их творчество: такая помощь оказывается Анастасии Цветаевой, Новелле Матвеевой, композитору Владимиру Кривицкому, который написал балет «Доктор Живаго». Мы также имеем возможность поддержать несколько талантливых представителей творческой смены, не имеющих средств для продолжения учебы, поездок за рубеж с целью совершенствования мастерства и т.д. Этим мы тоже занимаемся.

— Ну что ж, «Ночное рандеву» желает вам успехов.

Сергей ЗЕМЛЯНОЙ.

канадского правительства.

— Не тогда ли у вас родилась идея вернуть русскую культурную эмиграцию на родину?

— Когда в нашей стране поднялась волна перемен, появилась настоящая общественная жизнь, мой собственный опыт оказался, как ни странно, социально активным веществом. Обстоятельства складывались так, что исход творческой интеллигенции в 70—80-е годы оставил глубокий след в моей биографии: я провела «за бугор» Эрнста Неизвестного, я провела Виктора Некрасова, я провела Василия Аксенова и многих других, и с каждым как бы отваливался целый пласт жизни. Я испытала огромную боль расставания с людьми, которые так много для меня значили. И эта боль сохранилась, ее не сгладило время.

И вот вызрело жгучее желание вернуть назад людей, которые составляют вершину и гордость нашей культуры. И не в том суть, чтобы они тут жили: для меня безразлично, где они живут. Суть в том, чтобы то поколение, которое пришло позже, не было обделено культурой, которую они несут. Чтобы наши люди знали Шнитке не только по его произведениям, но и как человека, который родился и вырос на этой земле.

— И это натолкнуло вас на идею создания Фонда и учреждения премии за высшие художественные достижения?

— Да. И я начала с того, что обратилась к генеральному директору Лого-ВАЗа Борису Березовскому, которого

Я ПРОВОЖАЛА ЗА «БУГОР»

Зоя Москва, 1993. Фикшн, с. 4.

В гостях у Зои Богуславской

печатается — у нас и за рубежом. И она же стояла у истоков недавно созданного Российского независимого благотворительного фонда поощрения высших достижений литературы и искусства «Триумф», является координатором жюри одноименной премии.

— Я хорошо помню одну из первых ваших повестей — «Семьсот новыми», которая публиковалась в «Юности». Если не ошибаюсь, вокруг нее поднялся шум, разыгралась целая баталлия?

— Верно. «Литературная газета» дала тогда разгромную статью, где осуждалась

авторская манера. И тем не менее повесть вскоре вышла отдельным изданием у нас и почти одновременно во Франции, в крупнейшем издательстве «Галлимар», а затем и в других странах.

А вот следующий мой роман «Защита» не печатался шесть лет, пока это не отважился сделать в 1979 году «Новый мир». Сегодня невозможно поверить, но проявленная редакциями осторожность была связана с тем, что героем романа был адвокат, противостоявший оговору, кара-

с ВИДАНИЕ было назначено действительно ближе к ночи, которая в подмосковном Переделкине наступает сейчас по северному поздно. И у меня было достаточно времени, чтобы еще раз поразмыслить над современной версией классической дилеммы — поэт и гражданин: отчего многие мастера слова, вменившие себе в обязанность гражданскую, политическую активность, сочли для себя возможным «не быть поэтами», перестали, по сути, работать в литературе? Что это — закономерность или поветрие?

Мне было тем более интересно поговорить об этом с известной писательницей Зоей Богуславской, поскольку в ее случае литературное творчество и общественная деятельность уживаются вполне гармонично. Она много пишет и